

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЧИСЛА В ЯЗЫКЕ БЕЗ ДЕФЕКТНЫХ ЧИСЛОВЫХ ПАРАДИГМ (АГУЛЬСКИЙ ЯЗЫК – ВЗГЛЯД ИЗВНЕ И ИЗНУТРИ)

С. Мерданова, М. Даниэль

Москва

daniel@qub.com

ВВЕДЕНИЕ

Невозможность образования определенных морфологических форм – тех, которые традиционно относят к сфере грамматической семантики, – часто имеет прозрачную семантическую мотивацию. Тот факт, например, что в русском языке затруднено или невозможно образование формы множественного числа от многих имен собственных и имен с абстрактной семантикой, связан с затрудненностью или невозможностью концептуализации совокупности дискретных сущностей, каждая из которых является референтом такого имени. Это особенно отчетливо проявляется в тех случаях, когда морфологическая допустимость таких форм интуитивно очевидна (**счастья* ‘?’).

Было бы естественным ожидать, что семантические ограничения на морфологическую парадигму лексемы, в том числе запреты на образование числовых форм, окажутся типологически универсальными именно в силу своей семантической природы. На материале сравнения числовой парадигмы существительных в русском и агульском (лезгинская подгруппа северокавказской семьи) языках мы покажем, что эти ожидания не оправдываются; в агульском языке, по всей видимости, практически не существует таких числовых форм, интерпретация которых вызывала бы затруднения. Причины этого кроются, очевидно, в неуниверсальности концептуального пространства грамматической множественности в языках мира, то есть, на нашем примере, в разном объеме репертуара значений, связываемых агульским и русским языками с показателем множественного числа.

Таким образом, в фокусе нашего внимания будут находиться в первую очередь способы концептуализации числовых форм, специфические для агульского (по сравнению с русским) языка. Именно доступность дополнительных способов концептуализации делает возможным образование агульских форм, морфологические аналоги которых в русском языке отсутствуют. В заключение ставится вопрос о причинах наличия в агульском языке столь богатого репертуара концептуализаций множественности – с точки зрения авторов, основную роль в этом играет формальная регулярность формообразования и его агглютинативный характер.

ТОПОНИМЫ

Наиболее «неожиданным» является, пожалуй, образование в агульском языке форм множественного числа топонимов. В русском языке форма множественного числа от топонима вообще невозможна (даже в периферийных контекстах, где в определенном смысле имеет место семантическая плюрализация топонима – ср. *Есть две Москвы – Москва булгаковская и Москва есенинская*; но **Есть пять Москв*, **Эти Москвы*). В агульском языке подобные, жанрово окрашенные контексты, по-видимому, вообще отсутствуют. Несмотря на это, формы

множественного числа традиционных топонимов вполне регулярны, стилистически нейтральны и не связаны с определенным синтаксическим контекстом. Форма множественного числа топонима имеет две интерпретации. Локальные традиционные топонимы в форме множественного числа обозначают совокупность жителей данного населенного пункта: *quruh* ‘Курах’ ~ *quruh-ar* ‘курахцы’. Данная форма тяготеет к обозначению всех жителей села (поселка) в целом; для обозначения конкретной группы жителей Кураха используется форма множественного числа *quruhlywar* от лексемы *quruhlyw*, обозначающей одного жителя Кураха и образованного прибавлением к основе топонима словообразовательного суффикса *-lyw*. Отметим, что такая интерпретация формы множественного числа топонима засвидетельствована в некоторых языках, генетически и ареально далеких от агульского: коми, татарский, башкирский, санскрит, команчи (юто-ацтекский), ик (нило-сахарский?), кера (восточно-чадский), нгангитйемерри (не паманьюнга). В дагестанских языках эта форма, кроме агульского и лезгинского, существует по меньшей мере также в багвалинском (андийская подгруппа) языке; подробнее см. (Даниэль 2000).

Типологически более нетривиальным является употребление форм множественного числа топонима в аппроксимативном значении: для обозначения области географического пространства, включающего называемый топонимом населенный пункт в качестве центра, например, при нерелевантности более точной географической атрибуции:

- t^hi-n gada Maskaw-ar-is lynaа
- [он-GEN сын Москва-PL-DAT уехал]
- Maskawdis da-wa, ja□□an, Rezandis e
- [Москва-OBL-DAT NEG-Q APELL Рязань-OBL-DAT COP]
- Maskaw xuraj, Rezan xuraj, wuri sad du?
- [Москва Рязань]
- Ее сын в Москву (букв. в Москвы) уехал
- Не в Москву, дорогая, в Рязань!
- Москва, Рязань, не все ли равно?

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ

В агульском языке широко распространено образование форм множественного числа от индивидуальных имен собственных. В русском языке такие формы имеют характерно смещенное значение (*У нас во дворе тоже есть Маруси* = ‘две женщины по имени Маруся’). “Несмещенные” употребления типа *Пришли Пети* кажутся игровыми, а некоторыми носителями вообще отвергаются. В агульском языке контексты, аналогичные русскому *Пришли Пети*, оказываются вполне допустимыми. Основной интерпретацией форм множественного числа личных имен собственных оказывается, однако, значение так называемой ассоциативной множественности: *Hamid-ar* ‘Гамид и его семья’ (букв. Гамиды). Заметим, что формы ассоциативной множественности, которые в рамках традиционной антропонимической модели являются функциональным аналогом русских фамилий, очень характерны для дагестанских языков – см. (Жирков 1955; Магомедов 1963; Магомедов 1965; Микаилов 1985; Магомедова 1985; Талибов 1985; Алексеев, Атаев 1997), – как, впрочем, и для многих других семей и ареалов (Даниэль 2000).

ИМЕНА УНИКАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ

Русские имена *солнце* и *луна* в форме множественного числа употребляются лишь в научном (научно-фантастическом, научно-популярном ...) контексте. Их эквиваленты *raR* ‘солнце’ и

waz ‘луна’ в агульском языке, несмотря на отсутствие специфических контекстов, в формах множественного числа вполне употребительны. Отметим, однако, что семантику этих форм следует скорее связывать с метонимическим употреблением тех же лексем в форме единственного числа:

ihwe thisa□ □urdana raRar хaje-wa, ixpar uRaje-wa?
[вы.GEN там зимой солнце-PL -Q снег-PL -Q]

у вас там зимой солнца бывают, (или) снега идут?

ja□a raRar aa je dʒi?

[сегодня солнце-PL COP ? в.мире]

сегодня солнца есть (сегодня очень ясно)

В (2) и (3) возможно употребление и форм единственного числа; форма множественного числа подчеркивает в первом случае итеративность, во втором случае интенсивность природного феномена.

ИМЕНА ВЕЩЕСТВ

Наиболее характерным значением формы множественного числа от названия вещества в агульском языке является так называемое “множественное изобилия” (ср. значение интенсивности в предыдущем разделе). В некоторых контекстах, впрочем, различие между значениями числовых форм стирается. В русском языке, как известно, множественное число имен веществ употребляется в значении “сортовой множественности” (по-видимому, отсутствующее в агульском); множественное изобилия, хотя не полностью чуждое русскому языку, характерно для достаточно узкого круга лексем (*снега, воды*) и характерно в первую очередь для стилистически маркированных контекстов.

Таким образом, замечание А.Е. Кибрика, что имена веществ в дагестанских языках часто являются именами *singularia tantum* (Кибрик 1985), оказывается не универсальным для этой языковой общности.

ДРУГИЕ КЛАССЫ ИМЕННОЙ ЛЕКСИКИ

Семантическая затрудненность образования форм множественного числа типологически характерна также для многих абстрактных существительных – таких, как имена эмоциональных или ментальных состояний, абстрактных свойств, имен действия и т.п. Практически все такие существительные имеют в агульском языке регулярные формы множественного числа. Подробное описание семантики множественности требует лексического исследования каждой такой лексемы в отдельности; предварительно можно заметить, что формы множественного числа таких лексем могут иметь дистрибутивное (*gewurin elq^h-er* ‘их смех’; букв. ‘их смехи’) или интенсивное (*□aʒalar* ‘продолжительный плач, например, по покойнику’; букв. ‘плачи’) значение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, агульский язык предлагает возможность концептуализации сочетания показателя множественного числа с именной основой практически любого семантического класса. На примерах мы показали, каковы пути такой концептуализации для имен, форма множественного числа у которых в русском языке затруднена или отсутствует. Остается вопрос – почему один язык (агульский) имеет средства для такой концептуализации, а другой (русский) – нет?

Почему некоторые языки ограничивают применимость морфологической плюрализации сферой типологически прототипичной «объектной» множественности (типа *мужчина ~ мужчины, стол ~ столы*), а другие выходят за ее достаточно жесткие рамки?

Если пытаться найти ответ на этот вопрос в сфере семантики, скорее всего мы встанем перед проблемой выделения семантического инварианта граммы. Только допущение о существовании такого инвариантного значения грамматической категории множественного числа в пределах одного языка и о существовании различий между инвариантами этой категории в разных языках может объяснить, почему она имеет в этих языках разный объем значения. По утверждению одного из авторов настоящей статьи, носитель агульского языка не ощущает одно из значений показателя как центральное, ядерное, а другие – как вторичные, периферийные. Все выделяемые нами различные подзначения показателя множественного числа складываются в сознании носителя в единое целое. Так как такое обобщенное значение множественности действительно является специфическим для каждого конкретного языка, то с внутреннеязыковой точки зрения именно этот объем значения оказывается не только мотивированным, но и единственно возможным.

С другой стороны, исследуя структуру языка извне и привлекая типологические данные, мы неизбежно занимаемся декомпозицией значения грамматического показателя; одно значение, присутствующее во всех или большинстве языков, мы признаем базовым, а другие, характерные лишь для некоторых языков, – вторичными или периферийными. Такой подход делает возможным изучение семантической конфигурации значения показателя (так, форма множественного числа топонима в значении ‘X и прилегающие к нему территории’ близка к формам ассоциативной множественности ‘X и его родственники’ в том смысле, что номинация части является способом обозначения целого; ср. также значение интенсивности и значение множественного изобилия). Несмотря на это, при типологическом исследовании семантическая мотивация наблюдаемого в данном языке объема значения становится, по-видимому, невозможной – как объяснить тот факт, что значение ассоциативной множественности, характерное для агульского языка, отсутствует у показателя множественного числа в русском языке? Поэтому в рамках типологического подхода мы предлагаем другое, формальное объяснение репертуарного богатства агульского показателя множественного числа.

Как известно, именная морфология дагестанских языков близка к чисто агглютинативной. Кроме того, яркой чертой дагестанских языков именно лезгинской группы является единообразное маркирование множественного числа у всех субстантивных основ (отсутствие лексической селективности показателя). Последнее особенно отчетливо проявляется при сравнении лезгинских языков с другими нахско-дагестанскими языками, например, языками аваро-андийской группы, в каждом из которых отмечается несколько (иногда до десяти) морфологически несводимых друг к другу показателей множественного числа, ни один из которых обычно не обслуживает подавляющего большинства именной лексики.

Агглютинативность как морфологический тип часто интерпретируется как отсутствие тесной связи (в самом абстрактном понимании) между составляющими слово морфемами. В случае агульского показателя множественного числа на слабость такой связи дополнительно указывает и отсутствие правил лексической селективности. Мы предлагаем рассмотреть проблему именно с этой стороны – в распоряжении агульского языка оказывается большое число морфологических форм множественного числа, для которых типологически прототипичное «объектное» понимание недоступно. Поэтому язык находит альтернативные пути концептуализации множественности – ассоциативная множественность и т.п. – в той или иной степени сохраняющие связь с полем количественности, но по сути своей являющиеся средством разрешения конфликта между семантикой основы (например, обладающей уникальным или недискретным референтом) и базовым значением показателя множественного числа (предполагающим наличие нескольких дискретных объектов, каждый из которых является референтом основы).

Литература.

Мерданова, Даниэль. Концептуализация числа в языке без дефектных числовых парадигм.

Даниэль, М.А., 2000. Типология ассоциативной множественности. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

Кибрик, А.Е., 1985. Числовые формы несчетных существительных в дагестанских языках. В Микаилов 1985.

Магомедова 1985: Магомедова, П.Т. Категория множественного числа имен существительных в чамалинском языке (семантический аспект). В Микаилов 1985.

Магометов 1963: Магометов, А.А. Кубачинский язык. АН Грузинской ССР.

Магометов 1965: Магометов, А.А. Табасаранский язык (исследования и тексты), Мецниереба.

Микаилов, К.Ш (ред.), 1985. Категория числа в дагестанских языках. Махачкала.

Талибов, Б.Б., 1985. К вопросу об ограниченном числе в лезгинском языке. В Микаилов 1985.

Conceptualization of plurality in Agul.

S. Merdanova, M. Daniel

The paper describes various paths the conceptualization of number follows in Agul, a Dagestani language where virtually all nouns (including individual proper names and place names) have number forms. It is suggested that the reason for such semantic diversity is formal – agglunative morphology and regular plural formation.